

Возможны ли целостные представления о мышлении?

В. П. Зинченко,
академик,
доктор психологических наук

В статье, посвященной перспективам развивающего образования, опубликованной в этом журнале [2], давалась характеристика рассудка, разума, эмпирического и теоретического мышления, отмечались положительные и отрицательные особенности каждого из них. Неоднократно подчеркивалось, что «чистая культура» какого-либо из них невозможна: речь может идти лишь о большем или меньшем удельном весе, о доминировании той или иной формы мыслительной деятельности. М. К. Мамардашвили был достаточно категоричен: «Если кто-то когда-то выполнил акт философского мышления, то в нем есть все, что вообще бывает в философском мышлении» [4]. Думаю, что то же самое можно сказать о любом другом акте мышления, включая обыденное.

Нормальное, а не патологически разорванное мышление целостно. Однако применительно к каждому виду мышления целостность выступает как проблема и доминирование той или иной формы мышления в целом мышлении вполне реально. Но там, где есть доминирование, возможна и односторонность, вольное или невольное пренебрежение другими формами. Попробую показать это на близком нам примере диалектико-материалистического или просто диалектического мышления — мышления, с которым связаны интересные философские поиски Э. В. Ильенкова и психологические поиски В. В. Давыдова. Последний, по сути дела, отождествлял теоретическое мышление с диалектическим, опираясь при этом на понимание диалектики Э. В. Ильенковым. Скажу сразу, что у меня нет сколько-нибудь принципиальных претензий к трактовке В. В. Давыдовым теоретического мышления как такового, нет и претензий к анализу Э. В. Ильенковым процедуры восхождения от абстрактного к конкретному. В то же время не только у меня есть претензии к результатам, порожденным диалектико-материалистическим мировоззрением, выдававшим себя за философию и ставшим официальной идеологией СССР. Это мировоззрение наложило еще не изгладившийся отпечаток на интеллектуальный потенциал нашей страны. Настала пора в этом разобраться.

Начну с прозрачного соображения А. М. Пятигорского: «Наука не может дать ответа на все вопросы, которыми она занимается, а мировоззрение может дать ответы на все вопросы, которыми оно не занимается. И конечно, в этом смысле термин «научное мировоззрение» есть чистейший вздор» [7].

Марксистско-ленинская философия меня учила, что главным критерием всего и вся, в том числе, разумеется, и качества мышления, является практика. Г. Г. Шпет, излагая историю развития русской философии и русской мысли, убедительно аргументировал свое бесспорное право начинать с конца и этот конец сделать их критерием [8, с. 13]. Последую его

примеру. Допустим (только допустим!), что происходившее поддается рациональному объяснению, и вспомним «этапы большого пути». Картина получается весьма неутешительная. Приведу лишь некоторые штрихи диалектико-материалистического мировоззрения, оправдывающие приведенную язвительную сентенцию А. М. Пятигорского. Это была и есть «философия в повелительном наклонении». Появились «философы-командиры», «философы-электрификаторы, санкционирующие смертные приговоры» (это мотивы из Г. Г. Шпета). Они обладали преимущественно «критическим историческим самосознанием», «обнаглевшим самосознанием» (мотивы из М. М. Бахтина). Критика и самокритика признавались главной движущей силой развития общества и индивида.

Противоестественно резкая критическая направленность (возмущенный кипящий разум) сочеталась с финальным стилем мышления, его претенциозной направленностью на конечные объяснения и определения. Идеология, философия и мировоззрение стали синонимами. Все вместе и поврозь они требовали не просто объяснения, а окончательного объяснения, объяснения-победы: окончательная победа коммунизма во всем мире; окончательное торжество диалектического и исторического материализма, его победа на всех фронтах: над идеализмом, вульгарным материализмом, позитивизмом, фидеизмом; окончательная победа малограмотного Т. Д. Лысенко над «лженаукой» -генетикой, окончательное торжество учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности над душой и духом (конечно, никакой вины великого ученого в профанации его учения не было) и т. д. и т. п. Этому сопутствовало уничтожение многих научных направлений: психоанализа, психотехники, психогенетики, педологии, кибернетики — всего не перечить.

Вся эта разрушительная работа сопровождалась хлестаковщиной, правда лишенной приданного ей автором шарма. С легкостью мысли необыкновенной объявлялось о решении мировых загадок Э. Геккеля (происхождение жизни, происхождение человека, происхождение сознания и психики, синтезирование живого вещества и т. д.). Хотя разум кипел, но результаты оставались сырыми. Это не мешало нам соглашаться с тем, что жизнь оказывалась не более чем существованием белковых тел, а сущность человека — не более чем совокупностью всех общественных отношений. Социализированная личность, вопреки Марксу, лишалась собственной человеческой сущности и подменялась этой совокупностью. Исчезнувшая материя объявлялась первичной, а сознание — вторичным, своего рода фантомом второй свежести, управлять и манипулировать которым не может разве что только ленивый. И всем этим бесчинством командовала диалектика — самое передовое в мире мировоззрение. В целом это был разгул «самозванцев мысли» (мотивы из М. К. Мамардашвили).

Мне, как специалисту в области зрительного восприятия, всегда было неуютно рядом с ленинской теорией отражения: «И зеркало корчит всезнайку», как заметил О. Мандельштам. Неуютно было и рядом с диалектикой, которая может всё! Выше я высказывал предположение, что Э. В. Ильенков и В. В. Давыдов не столько вычитывали из нашего доморощенного ленинизма, сколько вчитывали в него. Среди источников и составных частей ленинской версии марксизма, несомненно, была дурно понятая русской интеллигенцией диалектика Гегеля, превратившаяся в нигилизм, который, в конце концов, эту же интеллигенцию уничтожал.

Связь нигилизма с диалектикой убедительно подтвердил Ф. М. Достоевский, написавший после несостоявшейся казни брату Михаилу: «Диалектика кончилась, и началась жизнь». Великий писатель оказался чрезмерно оптимистичен. У России свой путь: она выбрала нигилистическую диалектику. Г. Г. Шпет в книге «Очерк развития русской философии», которую можно рассматривать и как очерк развития русского образования, писал: «Против правительственной интеллигенции поднялась нигилистическая. Но всякий нигилизм происходит от слова «нигиль» (ничто)... И многое в культурной истории России объясняется замещением аристократии бюрократией и оппозицией к последней со стороны нигилизма... Можно было увидеть, что правительственной интеллигенции унаследовала

нигилистическая с быстротой, вызывающей недоумение и подчас даже ужас» [8, с. 46]. Наши философы и идеологи либо тщательно скрывали связь диалектики с нигилизмом, либо не подозревали об этом. По-видимому, помимо политико-идеологических причин должны быть и «гносеологические корни» подобного диалектико-нигилистического типа и стиля мышления. С психологической точки зрения напрашивается предположение о разорванности мышления, о забвении его целостного смыслового образа, вследствие чего какая-либо часть мышления или его полезный прием выдается за все мышление. Более того, превращается в идеологию и мировоззрение. В философских корнях этого типа мышления мне помогла разобраться небольшая статья В. Ф. Асмуса «Учение Гегеля о правах и пределах формального мышления» [1], впервые опубликованная в 1970 г. и не замеченная психологами и педагогами.

Как же все-таки быть с оппозицией эмпирического и теоретического мышления и с оппозицией рассудка и разума? Внимательный читатель заметил, что и рассудочно-эмпирическое мышление и (введем неологизм) разумно-теоретическое, понимая, что есть дотеоретическая разумность, обладают своими достоинствами и недостатками. Пренебрежение любой из этих форм мышления одинаково пагубно. К тому же, хотя исследователи мышления говорят о чистых формах, на самом деле «чистые культуры» в продуктивном процессе мышления едва ли возможны. Здесь повторяется ситуация с интеллектом и интуицией. Видимо, имеется единый процесс мышления. В нем должно быть место для его различных форм, развитие которых составляет заботу обучения. Это понимал Гегель, выделявший в развивающейся целостности мышления не столько его самостоятельные, изолированные формы, или ступени, сколько стороны, аспекты, моменты, которые могут быть развиты в различной степени. Обратимся к разъяснениям В. Ф. Асмуса. Согласно Гегелю, логическое в целом, во всей своей системе «имеет три стороны: а) абстрактную, или рассудочную, б) диалектическую, или отрицательно-разумную, с) спекулятивную, или положительно-разумную». И только диалектическая связь, диалектическое единство этих трех «моментов» дают полную характеристику «логического». Они могут быть отделены друг от друга только в рассудочной абстракции. Так было по мысли Гегеля, но в реальном мышлении полная логика — редкость. Выше неоднократно подчеркивались недостатки изолированного от диалектики рассудка, оперирующего конечными определениями. Диалектический момент, или отрицательно-разумный, преодолевает ограниченность конечных определений, отрицает их, превращает в свою противоположность. Отрицание — это любимое занятие марксистов-ленинцев, диалектических материалистов. К тому же отрицание далеко не всегда разумное, например отрицание целых областей знания.

Гегель предупреждал, что диалектический момент, «взятый сам по себе, отдельно от рассудка, выступает, особенно в научных понятиях, как скептицизм; в нем результатом диалектики является голое отрицание». Однако такое отрицание опасно лишь в том случае, когда мышление на нем заканчивается. В полном процессе мышления диалектическое выводит за пределы рассудочного, диалектика, согласно Гегелю, есть «движущая душа всякого научного развертывания мысли». Только в принципе диалектики «заключается подлинное, не внешнее, возвышение над конечным». И в этом смысле пафос В.В. Давыдова и Э.В. Ильенкова, с которым они критиковали рассудочное и возвышали диалектическое мышление, вполне понятен и оправдан.

Диалектика, будучи отрицательно-разумным моментом развертывания мышления, моментом логического, не остается в этом своем пределе. Отрицательное, получающееся как результат диалектики «именно потому, что оно представляет собой результат, есть вместе с тем и положительное». В. Ф. Асмус разъясняет: оно содержит, как снятое, то, из чего оно происходит и не существует без последнего. Например, диалектический материализм, отрицая идеализм, содержал его в себе в самой уродливой (изуродованной) форме, руководствуясь голой, т. е. абстрактной, идеей, утопией. Поэтому совершенно неслучайно в фило-

софской литературе советских времен спекулятивный, или положительно-разумный, аспект логического оставался в стороне или, в лучшем случае, как у В.В. Давыдова, переименовывался в теоретическое мышление и выдавался за диалектическое.

Только в спекулятивном, положительно-разумном моменте логического, а не в моменте диалектическом мышление приводит к положительному результату. Чтобы достигнуть его, мышление должно пройти диалектический момент, но не в пределах диалектического момента оно приобретает свой положительный результат, разъясняет В. Ф. Асмус. Диалектика подводит к нему, потому что она сама обладает определенным содержанием, потому что мыслимое в диалектике отрицание направлено не на пустое, абстрактное ничто, но есть «отрицание известных определений». Асмус подчеркивает, что это отрицание в мышлении определений, а не реалий. Пока не пришли к новым определениям, опрометчиво отвергать реалии. Столь же опрометчиво принимать случайно оброненные определения, определения, не проработанные критическим разумом, за реальности. Например, в определении «Жизнь есть способ существования белковых тел» отрицалась ценность жизни, ее дух, разум; в определении «Сущность человека есть совокупность всех общественных отношений» отрицалась не только телесность, но и индивидуальность человека.

Чтобы избежать подобного, необходим переход к следующей фазе. Асмус поясняет: когда мышление в своем стремлении к содержательной полноте переходит от рассудочного к диалектическому моменту (отрицательно-разумному), а от диалектического — к спекулятивному (или положительно-разумному), это разумное, будучи чем-то мысленным и притом абстрактным, «есть вместе с тем и нечто конкретное, потому что оно есть не простое формальное единство, а единство различных определений». Для спекулятивной логики характерно «единство тех определений, которые рассудком признаются истинными лишь в их раздельности и противоположности».

В. Ф. Асмус подчеркивает, что при разработке науки логики Гегель не нуждался в том, чтобы выделить и отдельно рассмотреть все три аспекта, или момента, логического; они рассматриваются как неделимые и неотторжимые друг от друга моменты целостности — единства логической сферы мышления. Напротив, в энциклопедической «Логике» изложение подчиняется целесообразности педагогического расположения и классификации материала [1, с. 194].

Из энциклопедической «Логике» мы узнаем, что рассудок по своему назначению «определяет и твердо держится за свои определения». Напротив, разум одновременно и отрицателен, и положителен. Он отрицателен и диалектичен, ибо он разрешает определения рассудка в ничто. И он «положителен, ибо он порождает всеобщее и постигает в нем особенное».

Обычно, поясняет Гегель, рассудок и разум (в обоих его видах) рассматриваются в отдельности друг от друга. Так же по отдельности рассматриваются и оба вида разума: «рассудок понимается как нечто отдельное от разума вообще, точно так же и диалектический разум обычно признается чем-то отдельным от положительного разума». Но Гегель отвергает в науке логике такой способ рассмотрения. «В своей истине, — утверждает он, — разум есть дух». В качестве духа он выше рассудка и выше разума: «он есть рассудочный разум и разумный рассудок». Он есть «отрицательное», т. е. «то, что составляет качество как диалектического разума, так и рассудка». Он «полагает определенное различие, за которое держится рассудок». Но вместе с тем рассудок «различает также это различие, и тем самым он диалектичен». Однако и это еще не последнее его деяние. Он «не задерживается на этом нулевом результате: он здесь вместе с тем выступает и как положительный разум». Таким образом, он восстанавливает первоначально простое, но как всеобщее, которое конкретно внутри себя [1, с. 194-195]. В этом легко узнается теоретическое мышление в понимании В.В. Давыдова.

Лукавство так называемой диалектической логики, развивавшейся в контексте теории познания, состояло в том, что она третировала формальную логику, а вместе с ней и рассудочное мышление в целом. Удаление рассудка (или потеря его) помогало этой теории выдавать безусловно необходимую часть познания — диалектическую или отрицательно-разумную — за целое, за всю Логику, за все познание. Спекулятивная, или положительно-разумная, часть познания вообще игнорировалась или вводилась под сурдинку, как это делали Э. В. Ильенков и В. В. Давыдов.

Конечно, у Гегеля можно найти многое и разное. В «Феноменологии духа» диалектика была представлена им как теория самосознания. Позднее она приняла форму божественного сознания, «языка богов». После приватизации марксизмом-ленинизмом диалектика стала «языком тиранов», которые назначили ее, наряду с бульжником, орудием пролетариата, единственным методом познания науки. А. Г. Новохатько пишет об ином понимании диалектики Шеллингом, оказавшим влияние на П. А. Флоренского: «Диалектика — испытание мышления, эксперимент мышления над собой, опыт (от слова «пытать») репродукции мышлением своих собственных законов, своей собственной природы. Так, например, понял шеллинговскую постановку вопроса о диалектике, о ее сути П. А. Флоренский. В понимании Флоренского знанию диалектическому предшествует знание додиалектическое: мысль о другом предполагает это другое для мысли, но до мысли. Иначе говоря, должно существовать знание бытия, но не в форме знания мыслящего. Каким оно может быть и должно быть? Для П. А. Флоренского «подпочвой» диалектики выступает «подсознательная мистика», т. е. знание не предметное, «не ответчивое» (Ф. М. Достоевский), когда знающий не может говорить о своем знании. При этом цель диалектики — в отличие от гегелевской версии — не перевод другого в форму мысли, а выработка совершенно нового отношения к «другому», чем мысль. Есть более высокая и совершенная (чем мысль!) форма бытия — «сверхсознательная мистика».

Диалектика оказывается тем самым срединной сферой — путем к истине, но не истинной. И наоборот, истина в данной версии диалектики — только путь и не более, зато весь путь. «Ответчивость», предметное знание о другом... в своих истоках не схватывается формами диалектического мышления, по Флоренскому. Только из «подпочвы» выплывает знание предметное. Правда, лишь через диалектику оно формируется в цельность, в конкретность. Диалектика (саморазвивающейся мысли) и подводит к этой высшей конкретности, к предметной цельности, но сама по себе, как таковая, не может ее ни породить, ни даже непосредственно представлять и выражать...» [6, с. 131-132].

Здесь версия диалектики П. А. Флоренского соответствует не только версии Шеллинга, но и версии Гегеля в изложении В. Ф. Асмуса, но, видимо, не ранним версиям самого Гегеля, принятым в диалектическом материализме, где диалектика выступала демиургом и единственным творцом истины. Трудно сказать, знал ли В. В. Давыдов версию гегелевской диалектики в изложении В. Ф. Асмуса. Но более сорока лет тому назад, когда он совместно с Д. Б. Элькониным начинал работать над развивающим обучением, он искренне идентифицировал теоретическое мышление с диалектической логикой и, более того, вчитывал ее элементы в исследования Ж. Пиаже, который едва ли подозревал о ее существовании.

Приведу еще одну версию диалектики, существовавшую до версий Шеллинга, Гегеля и их интерпретаций П. А. Флоренским, В. Ф. Асмусом, Э. В. Ильенковым, В. В. Давыдовым и многими другими. Дам греческий первообраз диалектики в интерпретации М. К. Мамардашвили: диалектика «есть такое состояние между противоположными натяжениями, внутри которого может появиться явление, само не являющееся выводимым членом или элементом какой-либо непрерывной причинной связи. Почему появилось такое особое слово «диалектика», в отличие от логики? (Я не имею при этом в виду часто абсолютно неграмотные рассуждения о существовании якобы особой диалектической логики в отличие от формальной логики и т. д.) Греки этим словом называли реальные обстоятель-

ства. Они понимали, что есть такие явления, которые невыводимы и не могут возникнуть как конечное звено непрерывной цепи их обусловливания. Допустим, построив какую-то цепочку условий для А, В, С, я получаю D, — так вот есть явления, которые нельзя получить таким образом, они не могут быть в принципе выводимым членом или конечным звеном непрерывной цепи обусловливания. Они возникают в воронке, окруженной натяжениями противоречий. Вот что греки называли диалектикой. Внутри — вспыхнет или не вспыхнет. А если вспыхнет — тогда целостно» [5, с. 35]. Вспыхнет или не вспыхнет? Если вспыхнет, да еще целостно, — это и есть интуиция, итог созерцания, продуктивного воображения. Как мы помним, В.В. Давыдов нашел им место в начале процесса теоретического мышления, при зарождении содержательной абстракции, и в конце — при удаче восхождения от абстрактного к конкретному. А между двумя чудесными вспышками происходит (видимо, и до, и после них) напряженная и, хорошо бы, одухотворенная работа мышления. Не только психология, но и жизнь полна подобными событийными или самоосновными явлениями, которые мы признаем тайнами человеческого бытия. Гилберт Кит Честертон заметил: «Сумасшедший во всем усматривает причину». Нормальный человек склонен оставлять Богу богово.

По необходимости кратко изложенная реконструкция взглядов Гегеля на взаимоотношения рассудка и разума, сделанная выдающимся философом и логиком В. Ф. Асмусом, весьма поучительна для психологии и педагогики. Ее смысл может быть сформулирован в немногих фразах:

мышление не должно останавливаться на половине пути;

отрицание и скепсис хороши как прием, но не как окончательный результат;

конечные определения полезны, но лишь как основание для будущих размышлений.

Теории хороши лишь до тех пор, пока их не сменяют другие, лучшие теории. Критика рассудка не должна быть безрассудной, а критика разума не должна быть неразумной. Рассудок и разум (в двух его формах) едва ли можно (и нужно) рассматривать как стадии в развитии мышления. Они представляют собой моменты в его осуществлении. Правда, в каждом отдельном случае тот или иной аспект мышления может доминировать, вытеснять другие. Любой результат, даже полученный методом восхождения от абстрактного к конкретному, недосказан, и пытливая мысль выйдет за его пределы. Она идет от незнания к знанию и тем самым порождает новое, но теперь уже «ученое незнание».

Возвращаясь к началу разговора о мышлении, важно отметить, что философия и наука проделали немалый путь, отгалкиваясь от смыслообраза интеллекта (Божественная способность души) и двигаясь к нему. Трудно сказать, какая часть пути уже пройдена, тем более что и мышление не стоит на месте. Его развитие опережает исследования, но именно оно дает средства для постижения его самого. Поверим Гегелю, что расчлененный в себе разум есть дух, который при всей своей свободе, а может быть именно благодаря ей, стремится к конкретному. Он проникает и в интеллект, представив его как единство многих определений, и притом единство не абстрактное, а достаточно конкретное. Конечно, для операционализации и дидактически приемлемой репрезентации полного процесса мышления должна быть проделана огромная работа. Ожидать, пока кто-то исполнит эту работу, неразумно и неразумно. В науке (науках!) о мышлении накоплен огромный материал, который нужно знать, ибо он помимо своей возможной пользы еще и интересен. Знакомясь с ним, едва ли целесообразно искать какой-либо универсальный, единственный метод решения психолого-педагогических проблем, связанных с развитием мышления. Если бы такой был, не только педагогика — человечество давным-давно отбраковало бы все остальные. Сила мышления заключена в разнообразии его форм, приемов, методов, развитие и актуализация которых определяются задачами и целями, возникающими (полагаемыми!) перед человечеством и каждым отдельным человеком.

Вернемся к названию статьи. Развитие целостных представлений о мышлении — дело будущего. При всей важности соотношения рассудка и разума, эмпирического и теоретического мышления и других его приемов и методов для получения целостных представлений о нем необходимо выйти за пределы мышления в мир деятельности и действия, в мир образов, в мир аффектов и, конечно, в мир слова. Это необходимо, потому что действие, образ, слово, чувство становятся языками мышления. При этом как и каждая форма мышления не является «чистой культурой», так и каждый из его языков гетерогенен. Слово содержит в своей внутренней форме образ и действие, действие — образ и слово, а образ — действие и слово. По отношению к ним применим древний принцип: «Всё в одном, одно во всём». Именно в этом залог искомой целостности мышления. В каждом мыслительном акте явное и скрытое, взаимодополняясь, образуют чудесное непрозрачное целое, столь же привлекательное, сколь и трудное для исследования.

Литература

1. Асмус В. Ф. Историко-философские этюды. М., 1984.:
2. Зинченко В. П. Перспектива ближайшего развития развивающего образования// Психологическая наука и образование. 2000. № 2.
3. Зинченко В. П. Мышление и язык. Дубна, 2001.
4. Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. М., 1993.
5. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М., 1999.
6. Новохатько А. Г. Историзм самосознания как проблема творчества// Ильенков Э. В.: личность и творчество. М., 1999.
7. Пятигорский А. М. Избранные труды. М., 1966.
8. Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989.